

Николай Семенович Лесков

Литератор-красавец

Лесков Николай Семенович
Литератор-красавец

Н. С. Лесков

Литератор-красавец

Быть так Чуриле сам господь повелел.

Былина о красном Чуриле Опленковиче.

Перед нами литературное явление такого оригинального свойства, что его совершенно неудобно не заметить и почти преступно пройти молчанием.

С литературой нашей в последнее время поступали часто весьма странно: с ней обращались как с орудием партий, как с лавочкой, в которой выгодно торгуется тем или другим товаром, но с ней еще никто никогда не обращался как с средством рекламировать перед публикою стройность своего стана, эластичность своих мышц, блеск голубых очей, свое остроумие, великое обаяние своих талантов, свою храбрость с мужчинами и свою непобедимость у женщин. Но дошло, наконец, на днях и до этого: в русской литературе явился богатырь совершенно непобедимой красоты и столь же совершенно непобедимого бесстыдства. Этот литератор - красавец Чурила Опленкович, называется господином Авенариусом и рекламирует себя во "Всемир-

ном труде", издающемся в Болотной улице, в Петербурге.

Для того чтобы похвалиться перед всеми своим ростом-дородством, лицом-красотою, медовыми речами и соколиными глазками, этот находчивый литератор сочинил такую басню (мы говорим: сочинил, потому что нам все-таки не хочется допустить, что развязный литератор хвастается тем, что с ним в самом деле случилось).

Приехал будто красавец Авенариус в Сорренто, ходит он по Сорренто с мальчишками, которые просят у него мелкую монетку; а он им рассказывает, что он "сыт на свой счет: книжки пишу и за них мелкую монету получаю". Потом он "усмотрел в горах молодого живописца, которого шутя называет преемником Сальватора-Розы и не шутя делает его дурачком, способным только "нашлепывать пятно около пятна". Зная лучше этого преемника Сальватора-Розы и секреты колорита и правила перспективы, Авенариус дал итальянскому художнику несколько советов, по которым тот его признал за живописца, а он, Авенариус (бич нигилистического нахаль-

ства), в благодарность за этот комплимент прямо посоветовал живописцу "рядом с искусством для искусства заняться делом по той же части более хлебным, как-то: малеванием вывесок да, пожалуй, раскрашиванием стен".

Однако оказывается, что столь нигилистически оборванный литератором Авенариусом итальянский художник был не совсем круглая бездарность, ибо в числе его произведений нашлась головка, обворожившая самого Авенариуса. Авенариус стал просить художника "свесть" его с итальянкой, с которой написана эта головка, а художник сам влюблен в нее и отговаривается.

- Познакомиться-то с нашими барышнями, - говорит он писателю Авенариусу, - при случае, пожалуй, иностранцу и можно, да испытать на себе их страстность - шалите! Как хвостом ни виляйте, не удастся: не полюбит вашего брата.

- Да разве и между нами нет молодцов из себя? - сказал в ответ на эту грубость г. Авенариус.

- Как не быть: хоть бы вы, например? - отвечал красавцу Авенариусу итальянец.

В самом ли деле г. Авенариус так хорош, как он себя хвалит, мы этого не знаем; но полагаем, что он, вероятно, красоты замечательной, ибо человеку обыкновенной наружности чужестранец такой любезности наверно бы не сказал, и лучшее тому доказательство — недавний случай с сотрудником "Московских ведомостей" г. Георгиевским, которого туркофил Лонгворт нарочно поставил лицом к лицу против хорошо сложенного турка и сделал между ними двумя сравнение довольно невыгодное для России, имевшей, к несчастью, на этот раз своим представителем не бойкого г. Авенариуса, а скромного г. Георгиевского.

Но возвратимся к нашей истории.

Въедаясь далее в фабулу повести, г. Авенариус рассказывает о своей хитрости, как он выпытал у художника, кто именно оригинал его головки, а затем уже наступает и самая любовная басня. Там, в Сорренто, живет богатый и очень жадный итальянец, у которого была красавица дочь Анджелика, которая, собственно, и есть оригинал известного нам портрета. Г. Авенариус, пленясь портретом

этой девочки, еще более пленился ею самою и вздумал ею признаться. Для этого ему надо было устроить свидания с нею, и он их себе и устроил, и устроил самым оригинальным и притом самым простым образом, делающим большой комплимент его находчивости. Он явился к ее отцу и условился с жадным богачом платить ему по четыре франка за каждый час, проведенный в его продажном доме, и во время этих посещений беседовать с его дочерью. Не забудьте - только беседовать, более красивому Авенариусу, впрочем, ничего и не нужно: в остальном он рассчитывал во всем на свои внешние и внутренние достоинства, из-под влияния которых, как видно, женщинам черт знает чего стоит вырывать-ся. У Анджелики, конечно, были и другие адораторы: этот самый живописец, про которого выше рассказано, и франт, фабрикант Санта-кросче. Оба эти поклонника Анджелики начали свои ухаживания за нею гораздо ранее г. Авенариуса; но это такому бойкому и обаятельному красавцу, каков г. Авенариус, также ровно ничего не значило. Живописца, как мы видели, он смял, стигостил и подобрал под се-

бя с первой же с ним встречи, когда посоветовал ему идти в малярию; а другого, фабриканта Сантакроче, обуздал своим значением. "Мой итальянец (Сантакроче), рассказывает г. Авенариус, - имел дело с литератором (на лбу, что ли, это у г. Авенариуса написано?), с корреспондентом иностранной газеты, который печатным отзывом своим мог принести ему как пользу, так и вред".

Г-н Авенариус, как надо полагать, всем рекомендовался литератором - и нищим итальянским мальчишкам, и фабрикантам, и своей Дульцинее; но зато ему и повезло с самого первого шага: сам старик, отец Анджелики, и два ее ухаживателя - все сразу поняли и оценили важное значение г. Авенариуса в Италии и в России и держали себя с ним как нельзя деликатнее.

Получив доступ в сад жадного богача, продавшего г. Авенариусу свидания с своей дочерью, наш литературный Чурила Опленкович "окрыленным мотыльком порхнул", "весело подпевая: не любить - погубить значит жизнь молодую, сорвал на лету свежий портагал и стал отдирать с него оболочку". Тут является

Анджелика, научает его есть апельсины и объявляет, что она в день "уплетает" этих плодов "десятка три". Говорит эта Анджелика ужасно, не хуже любой Матрены или Федосьи, но, вероятно, таков уже странный язык ее был. Потом она учит Авенариуса брать аккорды на фортепьяно и думает, что г. Авенариусу в самом деле есть чему у нее поучиться, тогда как г. Авенариус не только хороший писатель, но и хороший музыкант и нарочно лишь прикидывается неумехою; но зато эта невинная хитрость нашего Чурилы заставляет простушку Анджелику довольно близко нагибаться к нему; а он, пользуясь ее близким присутствием, не будь промах, да и влепывает ей на ее ручки одну безешку, а она его за это называет "поганым русским". Г-н Авенариус знает, что такая брань на вороту не виснет, делает дальнейшие шаги. В другой раз он, "подскочив к роялю, присел и затянул арию "Сжался" из "Роберта". Анджелику удивило, что этаким "поганым русским", как г. Авенариус, в то же время такой великий музыкант, а он "продолжал арию и довел ее громовым голосом до конца" и "был готов расце-

ловать Анджелику". Наконец у г. Авенариуса с Анджеликой завязывается любовь, которой никто не мешает: отец потому, что ничего, кажется, не видит, да притом, вероятно, и чувствует важность значения г. Авенариуса, как русского литератора, а живописец потому, что признает г. Авенариуса молодцом и знает, что с ним у женщин не потягаешься. Тут, на этой свободе, наш Чурила Опленкович влюбился как кот, и в его "наэлектризованную душу стали сами напрашиваться звучные рифмы", которые он, по скромности, его отличающей, так-таки и называет не более как только звучными рифмами. Но хитрый красавец и этим не ограничился: он знает, что женщину не доедешь одним стихотворством, и пускает в ход еще одну любовную хитрость: он равнодушествует с Анджеликой.

- Стихотворствую, - говорит он ей, - и потому не скучаю - даже и без вас.

- Очень, должно полагать, интересно сочиняете! Покажите-ка что-нибудь: точно ли так интересно (попросила Анджелика, и попросила вот именно этими самыми словами, которые мы приводим с скрупулезнейшею точно-

стью).

Но эти звучные рифмы Авенариуса были русские, и потому он не показал их Анджелике, а написал ей итальянские стихи, которые и хотел было изорвать, "да жаль стало: слишком естественно чувство сказалось". Управляющая г. Авенариусом сила особенной благовоспитанности не позволяет ему манерничать и, похвалившись хорошими стихами, скрыть их от общества в папках своего интересного портфеля. Он прилагает для русских читателей хановского журнала перевод этих стихов на русский язык, но оригинала, к сожалению, не вписал, хотя вписывать стихи и свои и чужие г. Авенариус вообще первый в свете охотник. В переводе же его звучные итальянские стихи вышли, как назло, очень дурны. Чувство в них слишком естественно сказывается такими строфами:

Мечтательно-грустно ли бровки ты сдвинешь:

Невинно вперишь в меня огненный взгляд
И после со смехом головку закинешь
Надменно-грацьезно назад... etc.

Таких звучных рифм г. Авенариусом впи-

сано целых восемь куплетов, вообще очень ровненьких по всесторонним своим достоинствам; но по-итальянски они все-таки, верно, еще гораздо сего превосходнейше. Есть, правда, у г. Авенариуса враги, без которых трудно прожить замечательному человеку, и эти враги, может быть готовые посягать и на его жизнь, посягают прежде на его литературную славу: они сомневаются, что г. Авенариус умеет писать итальянские стихи. Но какие же, однако, основания у этих людей сомневаться в этом, когда г. Авенариус смело и громко говорит, что он писал эти стихи по-итальянски и потом перевел их для хановского журнала?

Стишками своими, сочинение которых г. Авенариусом непременно надо допустить, как будто оно в самом деле происходило, этот красивый писатель так зажег свою девочку, что она даже пошла с ним за это гулять в горы. На этой прогулке они сначала увидели, как бедный художник Сторачи сидел на подмостках какого-то дома и красил стену. Это их посмешило; но зато потом они попались франту Сантакроче, который, в припадке злобной итальянской ревности, забыл о всех

особенностях высокого положения г. Авенариуса и грубо, как настоящий макаронник, осмеял серенькое пальтишко нашего Чурилы. Дело это, однако, окончилось без особенных последствий, потому что Анджелика защитила Чурилу и рассудительно сказала ему, что "всякий одевается по средствам". Сантакроче так гриб и съел, а в любви русского писателя с итальянкой начинается новая фаза. У красавца Авенариуса заходит с его девочкой разговор: может ли надеяться "северянин" завладеть сердцем итальянки?

"Как человеку не взобраться вверх по этому водопаду, - надменно промолвила красавица, - так иностранцу не завладеть сердцем итальянки".

Водопад, на который указала итальянка, был черт знает какой страшный совсем неприступный. "Под острым углом сходились тут две неприступные голые стены, и по ним ниспадал водопад".

Но что же может удержать писателя Авенариуса?

"В два прыжка (говорит он в своих бесценных признаниях) я был у подножия водопада

и лез уж вверх по его течению!"

"Безумец! Куда вы?" - не на шутку перепугалась девушка.

"За сердцем итальянки", - отвечал коротко Авенариус и "при известной ловкости", со "смертельною опасностью", "не хуже дикой кошки или ползучего растения", взлез до вершины обрыва, который "восходил до самых небес". Были там по этому пути и ущелья, сквозь которые другому бы ни за что не пронырнуть; "но я молод, тонок в талии, в движениях эластичен (рассказывает о себе наш Чурила), и протиснулся". Дело он сделал, по его описанию, сверхъестественной трудности, и вы действительно ничего подобного не найдете даже в описании опасностей, которым подвергался Тиндаль, исследуя альпийские ледники. Были моменты в этом подвиге, когда даже сам неустрашимый Авенариус отчаивался в своем спасении и, висая над бездною, спрашивал: "Господи! ужели так и покончить? свеж, здоров, полон светлых надежд..."

Ну, а если бы он там и покончил-то! Представьте! только представьте себе, российский читатель, всю скорбность столь рановремен-

ной утраты человека на нашем теперешнем-то литературном безлюдье! Кто у нас так может писать, как г. Авенариус? Положительно никто... Но, *dei gratiae* { слава богу (итал.)}, он спасся; он долез куда-то, он "растянулся" на траве и вскоре почувствовал у себя, на самом вдохновенном челе своем, мягкую ладонь.

"- Слава богу, жив... - послышался голос Анджелики. - Отчего он не итальянец!

Я (говорит красавец) раскрыл глаза и счастливо улыбнулся.

Итальянка вспыхнула и отдернула руку.

- Я думала, вы померли, - пробормотала она".

Извольте их разобрать, этих итальянок! Будь он их итальянец, так она б его небось зацеловала-замиловала, потому что уж видно, что невтерпеж ей совсем от своих влечений к нашему Чуриле; но как он "поганый русский", а не их макаронник, так ей даже досадно, что "растянулся" он с остатками жизни, а не совсем мертвый!

Страшные женщины!

И действительно: чуть только наш дорогой соотечественник и наш талантливый писа-

тель стал на свои резвые ножки, как уж эта Анджелика потребовала от него еще "нового подвига", который, пожалуй, еще пострашнее неприступного водопада. А именно: эта скверная девчонка, чтобы еще раз испытать любовь и храбрость г. Авенариуса, послала его в горы к свирепым бандитам.

Как это вам нравится? Иди, в некотором смысле, кровь свою проливай для ее каприза?

Другой бы кто, не такой отчаянный, как г. Авенариус, разумеется, и лыжи бы завернул, - сказал бы себе: да пропади ты совсем, если ты мною так помыкаешь; но г. Авенариус не такой. Он и на это пошел. Бандиты его помяли, покрутили, поранили его в спину кинжалом и, - что уж черт знает совсем на что похоже, - сняли с него даже панталонишки и водили санкюлотом по горам, но, наконец, отпустили его, потому что с его провожатым было письмо к бандитам от Анджелики, а почему это письмо имело столь много значения у бандитов, - это вы узнаете после. Так Авенариус вернулся к Анджелике и от бандитов и опять зачитал ей стихи и свои и майковские. Ему угрожает ревность. Анджелика просит его бе-

жать; но он решительно от этого отказывается и говорит, что "не даст себя в обиду", и после всех этих подвигов наконец-таки допек итальянку своим умом, красотой, смелостью и талантами до того, что она решается с ним бежать в Россию. Здесь он опять делает очень много смелых и находчивых вещей для устройства ее побега, и побег удается: он доводит Анджелику до барки, в которой они должны были уплыть и в которую свезен уже и чемоданишко г. Авенариуса. Но тут своенравной красавице Анджелике приходит мысль спосылать "поганого русского" назад к дому, из которого она ушла, посмотреть, не гонятся ли за ними. Он, при своей находчивости-то, и поддайся на эту штуку, и побежал, и когда вернулся на берег - барка уже плыла далеко от берега, и вероломная Анджелика пела ему издали нечто вроде песни, приписываемой Платову:

Не умела ты, ворона,
Ясна сокола держать.

Анджелика укатила к начальнику тех бандитов, к которым посылала нашего храброго литератора с письмом.

"Мое личное самоуважение, - говорит тут наш бедный Чурила, - не позволяло верить факту".

Но факт этот случился, и Анджелика через некое время прислала своему "поганому русскому" письмо, в котором просила у него прощения, что надула его и ушла к бандиту, но зато сделала в этом письме следующую приятную приписку: "Возвратитесь скорее на родину: там найдется для вас множество премилых, таких же, как вы, белокурых девушек. Вы ведь, говоря по душе, в своем роде тоже очень и очень недурны, так что, не имей этих ненавистных голубых глаз да светлых волос, быть может... но блондины моя антипатия".

Итак, начал г. Авенариус свою повесть тем, что итальянский живописец хвалил его на ружность и называл его молодцом; во время продолжения всей этой повести все хвалил сам себя и заключил ее похвалою себе от бандитки, ради которой совершил свои невероятные подвиги, достойные лучшей награды. Все его лиха, как мы видели, заключалось лишь в том, что он блондин с ненавистными голубыми глазами и не под стать итальян-

кам; но теперь он в России, он весь к вашим услугам, mesdames, и он сделал все, что мог сделать самый развязный человек для того, чтобы всем вам огулом заочно отрекомендоваться. Оцените это, белокурые российские девы: ведь это для вас, кроме писателя Авенариуса, до сих пор ни один безумец не делал и, вероятно, никогда не сделает. Полюбите, пожалуйста, этого душку: он тонок, и здоров, и эластичен, он и поет, и играет, и романы пишет, и стихи сочиняет, и под небо лазит, и к бандитам ходит, и любовь свою предаёт гласности, и сам себе слагает такие мадригалы, каких ни в одной литературе еще не написал себе ни один литератор и каких, по правде сказать, кроме "Всемирного труда" не напечатал бы ни за что ни один журнал во всем подлунном мире.

Читаешь - и глазам своим не веришь, что это напечатано; думаешь - и не додумаешься, что за процесс происходил в голове человека, когда он все это слагал, исправлял, читал в корректуре и знал, что это писанье его прочтут люди, знакомые с приличиями, с законами форм литературных произведений и с по-

нятиями о позволительном и о непристойном? Жениться, что ли, думает он и, избегая посредничества свах, сам подыскивает себе белокурую деву более удобным способом, при посредстве "Всемирного труда" в Болотной улице, или уж он наивен... так наивен, что знающие его лично могут все это извинить и в оправдание его сказать: "Быть так Чуриле сам господь повелел!"

Неимоверно! непостижимо!

И все это бездарное, исполненное неслыханного и невиданного нахальства безобразия еще украшено женским именем! Эта эпопея г. Авенариуса посвящена им даме Александре Васильевне Никитиной!.. Еще раз непостижимо!

Если эта дама не была знакома с рассказанным нами произведением красивого Авенариуса прежде появления этого нелепого произведения в печати и если она не давала этому жалкому автору свое согласие на посвящение ей истории его смешной любви, то это посвящение есть дерзость, неслыханная даже в нашей бесцеремонной литературе, и мы смеем предполагать, что г-жа Никитина не

посетовала бы, если бы г. Авенариус позабыл ее имя, относя в Болотную улицу свою изумительную рукопись. Видеть свое имя связанным с деяниями такого самохвальства не радость ни для кого, тем более для женщины, хоть сколько-нибудь уважающей себя и дорожающей уважением людей, которые ценят в женщине солидность и осмотрительность, руководящие ее поступками.

Еще маленькая заметочка для истории "быстрого, но повсеместного распространения невежества и безграмотности в русской литературе".

Этот же самый г. Авенариус, с любовными похвальбами которого мы только что кончили, в своей повести, следуя соблазнительному, как видно, примеру петербургских нигилистов, нашел случай заявить свое невежество и безграмотность, посмеявшись над Пушкиным.

Рассказывая свое путешествие в Hotel du Tasso - трактирчик на обрыве над водами Неаполитанского залива, - он восклицает: "Так вот, - подумал я,

Где пел Торквато величавый,

Где и теперь во мгле ночной
Адриатической волной
в Неаполитанском-то заливе! - (восклица-
ние г. Авенариуса)

Повторены его октавы".

Что тут такое изумило красивого литера-
тора? Что за несообразность, достойную свое-
го удивительного звания, нашел он в приве-
денных им стихах Пушкина? Думает ли он, а
с ним вместе думает ли и почтенная редак-
ция журнала "Всемирный труд", что Торквато
величавый сидел и пел, как скворец в скво-
речне, только в своем маленьком домике на
берегу Неаполитанского залива, а Пушкин не
знал ни истории жизни Тассо, ни географии?

Все конечно у красивого Авенариуса была
именно эта злодейски-меткая мысль уязвить
Пушкина.

Неужто ни г. Авенариусу и никому из со-
трудников, принимающих участие в издании
"Всемирного труда", неизвестно, что Торквато
Тассо уехал из Сорренто восемнадцати лет и
что Пушкин в осмеянном г-м Авенариусом
стихотворении, говоря об октавах Тассо, имел
в виду значение этих октав для Италии, а не

для трактирчика, устроенного в долине, где родился Тассо?

Италия! волшебный край!

говорит Пушкин в этом стихотворении, обращаясь с ним не к трактирчику, с которым связал октавы Тассо просвещенный Авенариус, а ко всей Италии!

Кто знает край, где небо блещет

Неизъяснимой синевою,

Где море теплою волной

Вокруг развалин тихо плещет,

Где вечный лавр и кипарис

По воле гордо разрослись,

Где пел Торквато величавый,

Где и теперь во тьме ночной

Адриатической волной

Повторены его октавы,

Где Рафаэль живописал,

Где в наши дни резец Кановы,

Послушный мрамор оживлял,

И Байрон, мученик суровый,

Страдал, любил и проклинал?

Италия, волшебный край!

Страна высоких вдохновений и т. д.

Какое надо иметь несчастное соображе-

ние, чтобы не понять, что все здесь сказанное идет к Италии, к "стране высоких вдохновений", где и Канова, и Рафаэль, и Байрон, а не к трактирчику, устроенному в домике, где жил Торквато ребенком и где (то-есть в трактирчике), к которому г. Авенариус так смешно припутал строфу Пушкина, гарсоны, пожалуй, могут, не зная даже ни одной тассовской октавы. Да, да, все это сказано к ней, г. Авенариус, к Италии, где (то-есть в Италии) пел Торквато величавый, где (на всех итальянских водах) простые гондольеры поют стихи из его "Освобожденного Иерусалима", где и теперь "во мгле ночной адриатической волной повторены его октавы", ибо адриатические воды, как всем известно, есть те же воды итальянские, и на них повторялись тассовские октавы в пушкинское время и, вероятно, повторяются и ныне, в эту самую минуту, когда мы должны разъяснить красивому русскому литератору, как следует понимать читаемое по согласованию слов, ибо иначе г. Авенариус, прочитав у Лермонтова "Я, мать божия", а у Пушкина "Христос воскрес, питомец Феба", может утверждать, что Лер-

монтов и Пушкин кощунствовали, первый - называя себя богородицею, а второй - величая Христа питомцем Феба.

Не уместнее ли здесь, перед этими саркастическими недоумениями г. Авенариуса, тот удивительный знак, который он дерзкою рукою поставил посреди стихов Пушкина и откуда никто в целой редакции не поторопился вымарать этого знака, так громогласно свидетельствовавшего о быстром, но повсеместном распространении невежества и безграмотности в русской литературе? Да; здесь он гораздо уместнее. Здесь уместен целый печатный лист удивительных знаков.

Глядя на книжку, в которой с такою детскою невинностью допущено такое искреннее сознание невежества участвовавших в составлении ее людей, поневоле еще и еще раз спросишь себя: что только у нас не находит себе места в печати? Поневоле задумаешься, что у нас в нынешних наших писателях считается подготовкою, достаточною для литературной работы? Поневоле спрашиваешь себя наконец, что делается с не лишенными знаний людьми, попадающими в коллегияльное

собрание членов необразованных редакций? Что делает, например, во "Всемирном труде" г. Гиероглифов, у которого нельзя отнять ни ума, ни известной эрудиции, тогда как, всеконечно, по одной лишь невинности остальных руководителей журнала там печатаются любовные похвальбы г. Авенариуса и совершенно умопомрачительные статьи г. Соловьева, где за серьез рассказывается, что в литературе англичан почти не было цинизма, когда в той литературе есть Свифт, Стерн, или что в нашей литературе не было романтизма, потому что мы православного исповедания (!). Начитанность этого столпа ханского журнала так велика, что ему даже неизвестно, что в нашей литературе была продолжительнейшая полоса романтизма и история нашей литературы упоминает целую вереницу известнейших имен писателей-романтиков. Он не знает, что русский романтизм имел своих больших друзей, был предметом больших рассуждений и толков; что его не отрицал в русской литературе ни один человек, прочитавший внимательно хоть одну хрестоматийку, и что о нем переписывался с Родзянко

Пушкин, так и начинающий свое послание к Родзянко:

Ты обещал о романтизме,
О сем парнасском афеизме,
Потолковать еще со мной,
Полтавских муз поведать тайны...

Неужели и г. Гиероглифов не знает, что отрицать романтизм в нашей литературе - значит говорить глупый вздор, избличающий в членах редакции непростительное невежество, круглое и всесовершенное незнакомство с теми литературами, о которых г. Соловьев ведет свои нескончаемые и лишь единством непрерывного бессмыслия связанные статьи? Что же он не спасает нового и неопытного в литературном деле г-на Хана?

При нынешней бедности наших литературных сил совершенно понятно, что новому изданию невозможно идти с блестящими статьями: их взять негде, и редактору нельзя ставить в вину, если издание его идет скромнее, чем бы желалось. Понятно и то, что и умный писатель, обмолвясь, может сказать иногда изрядную глупость. Но если глупости эти идут одна за другою в каждой книге, - идут,

одна за другую цепляясь и одна другую догоняя, - то чего же может ждать такое издание в самом ближайшем своем будущем? А предприимчивые люди, подобные г-ну Хану, в нашей литературе, особенно в последнее время, так редки, что не побережь его и, стоя возле его предприятия, равнодушеествовать к ходу этого предприятия с нравственной точки зрения почти преступно. Журнал г. Хана до сих пор возбуждает лишь злорадный смех литературных свистунов да удивление серьезных друзей литературы, пожимающих только плечами при чтении печатаемого в нем хлама; между тем как журнал этот, при независимости его редактора и очевидной готовности его вести свое дело в возможно совершеннейшем виде, мог бы служить обществу серьезную службу, а не быть предметом одних насмешек, к сожалению далеко не безосновательных.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЛИТЕРАТОР-КРАСАВЕЦ

Впервые опубликовано в журнале "Литературная библиотека", 1867, т. IX, сентябрь, кн. 1, стр. 91 - 104. Впоследствии не перепечатывался.

валось. Статья открывала намечавшуюся писателем серию статей-фельетонов под общим заглавием: "Летопись литературных странностей и безобразий", однако в печати появилась еще лишь одна статья, посвященная полемике с А. С. Сувориным ("Незнакомцем") по поводу литературных псевдонимов (см. "Литературная библиотека", 1867, т. X, октябрь, кн. 2); вскоре, в феврале 1868 года, прекратился и сам журнал.

В. П. Авенариус (1839 - 1925), повести которого "Ты знаешь край?" посвящена статья-рецензия Лескова, в 60-е годы был известен как автор антинигилистических повестей "Современная идиллия" и "Поветрие", изданных в 1867 году отдельной книгой под общим заглавием "Бродящие силы". Уничтожающая характеристика этой книги, направленной против передовой русской молодежи, дана в рецензии М. Е. Салтыкова-Щедрина ("Отечественные записки", 1868, IV, стр. 209 - 213) и статье Н. В. Шелгунова "Типы русского бессилия" ("Дело", 1868, III, отд. 2, стр. 1 - 29). Позиция Лескова по отношению к революционно-демократическому лагерю и в конце 60-х

годов продолжала оставаться весьма сложной. Роман "Некуда" и другие антинигилистические произведения в глазах широких читателей все еще определяли литературную репутацию писателя. Салтыков-Щедрин в вышеупомянутой рецензии называет Лескова ("г. Стебницкого") "духовным родителем" произведений типа повестей Авенариуса. Однако, касаясь отзыва Лескова о новой повести Авенариуса, Щедрин считает, что рецензент "отзывается об нем (об Авенариусе. - И. С.) с снисходительностью более нежели иронической" (М. Е. Салтыков-Щедрин. Полное собрание сочинений, т. VIII, М., 1937, стр. 289). Рецензия Лескова с несомненностью свидетельствует, что выступление автора "Некуда" против низкопробных писаний Авенариуса не носило тактического характера и явилось одним из проявлений противоречивости литературно-общественной позиции писателя. Разоблачая аморализм, невежество, убогость и пошлость литературных приемов Авенариуса, Лесков способствовал дальнейшему и полному развенчанию этого представителя литературной реакции 1860-х годов.

Статья Лескова о повести Авенариуса была одновременно направлена и против журнала "Всемирный труд", издававшегося Э. А. Ханом в 1867 - 1872 годах. Журнал этот в 1867 году сумел привлечь некоторое внимание читателей (в первых трех номерах его были опубликованы новые произведения А. Н. Островского и А. Ф. Писемского), но затем его художественный уровень резко упал, критический же отдел заполнялся статьями представителей идеалистической эстетики (Н. И. Соловьева, Е. Н. Эдельсона и др.), принципы которой были чужды Лескову.

Стр. 41. "Былина о красном Чуриле Опленковиче. - Былинный герой Чурила Опленкович (Пленкович) отличался франтовством, пригожестью, молодечеством, пользовался успехом у женщин; этим и объясняется использование строк из былины в качестве эпиграфа для характеристики "литератора-красавца".

Стр. 42. Сальватор Роза (1615 - 1673) - известный итальянский живописец, гравер, поэт и музыкант.

...бич нигилистического нахальства... - на-

мек на книгу Авенариуса "Бродящие силы".

Стр. 42 - 43. ...недавний случай с сотрудником "Московских ведомостей" г. Георгиевским... - Имеется в виду корреспонденция А. Георгиевского "Лонгворт и близость катастрофы на Востоке" ("Московские ведомости", 1867, Л 188, 26 августа), в которой описывалась встреча с Лонгвортом, генеральным консулом Англии в Белграде.

Стр. 43. Адораторы (франц. adoreurs) - обожатели.

Стигостил (от тигосить) - стиснул, раздавил.

Стр. 44. Безешка (от франц. baiser) - поцелуй.

...арию "Сжалься" из "Роберта" - то есть из оперы "Роберт-дьявол" Дж. Мейербера (1791 - 1864).

Стр. 47. Тиндаль, Джон (1820 - 1893) - английский физик; в 1856 - 1859 годах занимался изучением ледников в Альпах.

Стр. 48. ...водили санкюлотом... - Здесь в буквальном смысле, то есть без штанов (франц. sans culottes).

Стр. 50. Где пел Торквато величавый... -

Здесь и далее цитируется стихотворение Пушкина "Кто знает край, где небо блещет..." (1828).

Стр. 52. "Я, мать божия" - начальные слова стихотворения Лермонтова "Молитва" (1837).

"Христос воскрес, питомец Феба" - первая строка стихотворения Пушкина "Из письма к В. Л. Пушкину" (1816).

Что делает... г. Гиероглифов... - А. С. Гиероглифову (1827 - 1900) принадлежит ряд статей во "Всемирном труде" за 1867 год: "Направление идей и просвещение при Александре I", "Всеславянское народное единство", "Исторические стремления России и панславизм" и др.

Стр. 53. ...умопомрачительные статьи г. Соловьева... - Н. И. Соловьев (1831 - 1874) был ведущим критиком журнала; в 1867 году (до августа) напечатал следующие большие статьи: "Принципы жизни", "Идеалы", "Дым отечества", "Русская песня"; упоминаемые Лесковым суждения об английской литературе и романтизме содержатся в статье "Идеалы" (ЛЛ 3 и 4). Уже после выступления Лескова Со-

Ловьев поместил в журнале статью "Два романиста", посвященную разбору произведений Вс. Крестовского и Лескова ("Всемирный труд", 1867, Л 12, декабрь, стр. 35 - 66).

...переписывался с Родзянко Пушкин... - Известно письмо Пушкина к Родзянке от 8 декабря 1824 года. Цитируемое послание "К Родзянке" (1825) является ответом на письмо Родзянки от 10 мая 1825 года. Родзянко Аркадий Гаврилович (1793 - 1846) - помещик Полтавской губернии, поэт, был членом общества "Зеленая лампа".